

Винко Модерндорфер
ЧУДНЫЙ ДЕНЬ, ЧТОБ СДОХНУТЬ

Реальная драма

Перевод со словенского Жанны Перковской

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

МАТЬ — 40 лет

ДОЧЬ — 25 лет

Язык — это характер.

Язык — это бунт.

Картина 1

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ:

Гостиная в стандартной городской квартире. На заднем плане окно — разбитое стекло схвачено скотчем. Справа — распахнутая дверь в кухню. Дверь, ведущая из прихожей, прикрыта. Слева дверь в спальню. Квартира обшарпанная. Видно, что здесь давно не убрали. Повсюду разбросан разный хлам.

Мать, неряшливого вида сорокалетняя женщина, вся в татуировках, курит одну сигарету за другой. Пепел стряхивает повсюду, только не в пепельницу. Говорит очень громко. На полную мощность работает допотопный кассетный магнитофон, проигрывая старые молодежные хиты. Мать сидит на облезлом диване, красит черным лаком ногти на ногах. Раздается звонок в дверь. Мать его не слышит. Звонок не смолкает. Услышав его наконец, мать встает, убавляет громкость музыки и спешит к двери.

МАТЬ: Иду! Да иду же!

Скрывается в прихожей. Слышно, как открывается дверь. Мать возвращается. За ней в комнату входит дочь, неброская девушка, волосы прямые, длинные. Одета в джинсы и футболку. На вид ей лет двадцать пять.

МАТЬ: А я тут, вишь, прибираюсь...

Дочь останавливается посреди комнаты.

МАТЬ: Да сядь ты уже, не маячь!

Дочь стоит. Мать сдвигает в сторону разбросанные по всему дивану тряпки. Дочь садится.

МАТЬ: Как суббота — так за уборку. Маманя приучила!

Дочь усмехается, кивает.

МАТЬ: Узнаешь музон?

Дочь мотает головой.

МАТЬ: Да «Клэш» же! И щас рулят!

Мать подходит к магнитофону, выключает его. Тягостное молчание.

МАТЬ: Встреть я тебя во дворе — и не узнала б! Скока лет прошло-то?

ДОЧЬ: Не знаю. Много.

МАТЬ: Ты все там же?

ДОЧЬ: Нет, ушла.

МАТЬ: Учти, денег нету! В смысле, вот прям щас нету. Завтра, мож, чё капнет.

ДОЧЬ: Я работаю.

МАТЬ: О как! Круто!

Мать закуривает, протягивает сигарету дочери.

МАТЬ: Бушь?

ДОЧЬ: Бросила.

МАТЬ: О как! Круто! А я вот фиг брошу. Рака я не боюсь, у меня иммунитет. Иначе бы давно уже кранты. Уж скока я высмолила всякой дряни! Тебе и не снилось! Мы любое дерьмо могли скурить. Как щас помню: приехали в Берлин, идет концерт, а у нас — по нулям. Так я разодрала какой-то цайтунг, навертели самокруток — сено, листья сухие, лишь бы тлело, и — дули себе за счастье!

ДОЧЬ: Ты отца-то давно видела?

Звонит телефон.

МАТЬ: Сорьки. Бизнес.

Мать снимает трубку. Говорит бархатным голосом, четко и правильно.

МАТЬ: Да? А, это ты! Я знала, что ты позвонишь... Как мы с тобой тогда, помнишь? — ммм!.. Ладно, вынимай — я уже истекаю. Ну что ты, какие трусы? Я же тебя ждала! Чувствуешь, как мокро? Сейчас-сейчас... поднесу к ней трубку...

Причмокивает в трубку.

МАТЬ: Слышишь? Ну? А твой там что делает? Ты его уже хорошо подергал? Ах ты, мой птенчик! Сейчас и я... Один пальчик вошел, второй... Ну, давай, поделись, что тебя мучает...

Прикрывает трубку рукой, дочери:

МАТЬ: Щас начнет про маманю свою гундеть — эт бодяга минут на десять, тогда и потрепемся...

В трубку:

Да ты что!! Нет, этого ты мне еще не рассказывал. И чем, говоришь, она тебя порола? Бедненький малышик! Да...да... И я тоже сейчас... Я от твоего рассказа вся теку...

Издает несколько стонов и замолкает — прислушивается.

Да, я тебя слышу... Ммм... Ооо...

Подключает к телефону наушники, надевает их, нажимает на телефоне клавишу.

Вот так. Хоть побазарим пока... Ему терь не до меня. Нудит про мамочку и делает свое дело... Ты ток извини, надо все ж иногда подвяхивать... Бизнес есть бизнес. Так про чё мы там?

ДОЧЬ: Ты отца когда видела? Давно?

МАТЬ: Миро?

ДОЧЬ: Ну а кого еще! У меня их что — несколько?

МАТЬ: Да видела вроде. Бываю у него, раз в неделю. Ну, может, вот щас две недели не ходила... Да ему там лучше нас живется. Шмали ему целый стакан притаранила. И музончика тоже. Хорошо так побакланили, повспомнили кой-чего... Как мы куролесили... Я ж с ним с четырнадцати лет ходила... Не, вру... Тринадцать мне было. Он еще в овощах-фруктах работал. Потом год ничего и опять понеслось. Воот такой ирокез у него был! Аж на полметра! Потом, когда его на три месяца засадили, я шастала с Сучонком, но это так, фигня. Миро выпустили — я опять к нему подвалила. Любовь была — бешеная! А я уж и беременная... И все пошло прахом. Крышу ему снесло: он в тебе души не чаял. Обожал. Никогда не видела, чтоб мужик дитё свое так тетёшкал...

ДОЧЬ: Два месяца назад он умер.

Молчание. Мать нажимает на кнопку телефона.

МАТЬ: Слышу-слышу... Я... ох, даже говорить не могу... По ногам так и течет... Что ты сказал? Ну, повтори же... еще раз... своей киске... Как тебя мамочка драла, когда ты теребил... Ммм... Ооо...

Нажимает на кнопку.

А как-то раз он был под кайфом, да и выронил тебя... Перепеленать хотел, типа... Ты головкой-то об пол бряк, а он и давай ржать. Я ору: ты, придурок, все мозги просрал? — а он хохочет. Даж и не понял, в чем дело. Он тогда колесами баловался! Закидывался чем ни попадя. Шнапсом

догонялся. Оставался сидеть с тобой и торчааал! Хоть бы на группу какую сходили, говорю, подкинем шмакодявку мамане и махнем, а? — да где там! Кричит: это мой ребенок, я и буду нянчить! Хорошо ему сейчас там, все у него есть, все ему пожалста! Косяков нанесу: придем с друзьями, выкатим его на солнышко погреться и ржем как угорелые... Да вот хотя бы неделю назад... всей толпой приперлись...

ДОЧЬ: Ты что — не слышала? Два месяца назад он умер. Я его похоронила. Тебя не нашла.

МАТЬ: (вскакивает) Да я в Амстердаме была! Во, как щас помню. Всей толпой ломанулись. Три месяца зависали в доках... В порту... Во был кайф! А потом нас повязали. Держали аж три дня — дурь нашли. Не у меня — у одного из наших. Я-то была чиста, не подкопаться!

ДОЧЬ: На похороны никто не пришел. Одна я была.

Молчание. Мать закуривает.

МАТЬ: Пришла бы... если б кто сказал.

ДОЧЬ: В хосписе клянутся, что тебе сообщили.

МАТЬ: Брешут. Я б тогда знала.

ДОЧЬ: Он принял много таблеток за раз.

Мать пропускает слова дочери мимо ушей.

МАТЬ: Ну, у тебя-то как дела? Все путем?

ДОЧЬ: Работаю. В обувном магазине.

МАТЬ: О как, круто! Туфельки — обожаю! По телеку показывали сериал, там у бабы комната была — одни только туфли. По полочкам, от пола аж до потолка! Вот бы и мне так.... Завалить ими весь дом...

ДОЧЬ: Я тебя еле нашла.

МАТЬ: А, ну да! Эт потому что я часто переезжаю.

ДОЧЬ: А бабушкину квартиру что — продала?

МАТЬ: Вспомнила тоже! Когда тебя забрали и увезли на село, к той хабалке, я и продала. Жуть как захотелось в Амстердам! Ну, и поехала. На полгода. Пока деньги не стырили. Да и чё там оставалось? Меня уже тогда нагрели, когда я продавала материну квартиру.

ДОЧЬ: Почему вы с отцом разошлись?

Мать включает телефон.

МАТЬ: Ммм... Ооо... Еще чуть-чуть, и я кончу... Ты тоже? Ну, расскажи, как у тебя — хорошо стоит? Сейчас польешь? Давай! Давай вместе! Ммм... Ооо... Рассказывай, какой он у тебя, я его уже чувствую... языком... говори, говори, какой он...

Выключает телефон.

МАТЬ: Так, время есть. Этот козел мечтает трахнуть собственную матушку, а звонит мне. Чуть ли не три раза в неделю. А мать его — училка, и он заставляет меня говорить правильно. Скока в мире идьетов! Да и хер с ними! Чем больше, тем лучше — хоть заработок есть...

ДОЧЬ: Почему ты не...

Мать порывисто встает, гасит сигарету об стол, шагает по комнате.

МАТЬ: Почему, почему! Чё ты ваще понимаешь, шмакодявка! Заявилась тут — давно не видали!

ДОЧЬ: Давно. Три года, три месяца и пять дней.

МАТЬ: А теперь пришкандыбала и грузишь... Как ты ваще меня нашла?

ДОЧЬ: Через собес и полицию.

МАТЬ: Во засада! Дочка ищет мать с помощью полиции! Ну? И чё тебе надо?

ДОЧЬ: Я хотела тебе сказать...

Мать включает телефон.

МАТЬ: Ммм... Ооо... Я тоже кончаю... Да, да!.. Я, я твоя мамочка! Брызни, брызни мне на лицо... Ммм... Ооо...

Прислушивается, кладет трубку.

МАТЬ: Кончает — и сразу отбой. Стыд нападает. А иной раз аж целый час провисит. Я его о матушке расспрашиваю, он дробит. Седня чё-то маху дала...

ДОЧЬ: Я помешала?

МАТЬ: Да, ты! Две тыщи псу под хвост!

Дочь встает.

ДОЧЬ: Ну, я пошла.

Мать вскакивает, хватает ее за локоть.

МАТЬ: Подожди, останься! Ну, останься же. Не уходи!

Выпускает руку дочери. Дочь садится. Молчание. Мать прикуривает, ходит взад-вперед по комнате. Дочь наблюдает. Мать останавливается.

МАТЬ: Ну чё уставилась! Курить бушь?

ДОЧЬ: Я не курю.

МАТЬ: Дааа? И мяса не ешь?

ДОЧЬ: Я вегетарианка.

МАТЬ: Ёоо! Небось, и не пьешь?

ДОЧЬ: Не пью.

МАТЬ: Да ты ваще живая?

Дочь молчит. Мать успокаивается.

Лан... Каждый сам кузнец своего горя. Но ведь ты ж курила? Сама, помню, дала тебе по первости затянуться.

ДОЧЬ: Уже три месяца не курю.

МАТЬ: Ну, упряма! **(гримаса)** Я от тя балдею! Эт в тебе от бабули! Меня на такое никогда б не хватило.

ДОЧЬ: Я скучала по тебе...

Мать, словно не услышав, направляется к телевизору — он стоит в дальнем углу комнаты.

МАТЬ: Ну чё — посмотрим телек? Щас одни сериалы идут. Паршивые. А я все равно смотрю. Чешут по-испански, рыдают, а я гляжу и думаю: дууурра, могла б ведь тож стать звездой! Играла б себе в сериалах — бешеные бабки заколачивала б! За один паршивый сериал — кучу бабок!

ДОЧЬ: Я много думала ...

МАТЬ: Бляха! Совсем забыла. Накрылся телек.

ДОЧЬ: ... о тебе.

МАТЬ: Гуляли мы... На той неделе. Кощей поставил бутылку, на телек. Ну, тут пошло все такое — старые добрые «Секс пистолз», помнишь у них — «*Год сейв зе квин*»! И мы как сбесились. Я и не заметила, а бутылка перевернулась, в ящик-то и затекло. Тут кто-то втыкает штепсель, каааак заискрит! Эт надо было видеть! **(хохочет)**. Прямо новогодний салют!

ДОЧЬ: Ты меня совсем не слушаешь!

МАТЬ: А телек-то еще мамкин. Черно-белый! Помнишь, ты малявка была — мультики смотрела? Усажу тебя перед ящиком — и сидишь, как пришитая. То-то тихо бывало! А иначе ни минуты не сидела на месте. Жуткая непоседа!

ДОЧЬ: Я тебя помню.

Пауза.

МАТЬ: Чёт выпить хочется. В ларек что ли сбегать...

Делает глубокую затяжку. Пауза.

Ну так чё ты там?

ДОЧЬ: Я скучала по тебе.

МАТЬ: Всамделе бы щас чё-нить хлебнула! Чесслово!

Мать скидывает ворох тряпок с ветхого кресла, садится. Пауза.

Да. И я. По тебе скучала.

ДОЧЬ: А что же не приходила?

МАТЬ: Как эт не приходила? Приходила...

Молчание. Мать нервно курит.

МАТЬ: И ведь ни одна сволочь не звонит! Вот в пятницу вечером всех как прорывает. И в субботу. И, прикинь, средь недели тоже! В среду! Что ль кризис у них в это время? — звонят, как в пятницу. Говорят, в среду больше всего самоубийств. Прыгают с окон. С-под крыши. Мужики. Во чудеса-то... Лан бы еще в пятницу, когда все нормальные на пьянках-гулянках, а эти не у дел... Ан нет! Точняк в среду! Может, они говорят себе — пусть, мол, еще выходные — вдруг чё хорошее случится? Встречу кого, все будет путем... Понедельник, вторник — все тихо. А в среду — бац! — готов!

ДОЧЬ: Когда же ты приходила?

Мать гасит окурок об стол и прикуривает новую сигарету.

МАТЬ: Хорошо тебе, ты можешь без курева! А я уж никак. Не могу — без дыма и без музыки. Ну чё — поставить музончик? Классику какую-нить? Или записи Сучонка? Да, кстати! Слыхала? — Сучонок-то помер!

ДОЧЬ: Ты не хочешь со мной говорить?

Мать резко встает, пинает журнальный столик.

МАТЬ: Да чё ты лезешь со своими разговорами! Кто ты такая — грузить меня? Точняк бабка твоя, паршивка! Та — тоже вечно кочевряжилась. И то ей не так, и это не этак. Сдала вот ей тебя — и чё? Такая ж уродка выросла. Ну вот чё ты приперлась и нудишь? У меня чё — своих дел мало? Мне вон даже не звонят, а денег-то шиш! Ни на полбутылки! Бычки собирать скоро пойду! И ты еще по нервам ездешь! Да вали откудова пришла — хоть к той твоей коровнице-дерьмовнице! Знала б ты, скока раз я пряталась за какой-

нить сраной яблоней или грушей, и смотрела, смотрела, как ты пишешь свои прописи хреновы, а эта моталась у плиты, жарила-парила...

ДОЧЬ: Что же ты не зашла?

МАТЬ: А она не пускала! Дитю, говорит, такую мать лучше не видеть. Моему дитю! Тварь! Сказала, пусть я сначала шпильки из носу повыну, постригусь, оденусь как человек, а то, типа, шлюха-шлюхой...

ДОЧЬ: Она мне про это не рассказывала...

МАТЬ: Я, типа, тебя испорчу! Типа, ей тебя дали, чтоб она из тебя сделала... **(передразнивает)** *Полноценного члена общества!* Вот чё она, сука, сказала! Я было рыпнулась, а она позвала какого-то говнюка, он мне так накостилял, что я с горки летела вверх тормашками, башкой об камень долбанулась...

ДОЧЬ: Она говорила, что пыталась тебя найти, но никто не знал, где ты.

МАТЬ: Ха, а чё она могла еще сказать, паскуда, если она за тебя деньги получала, наживалась на тебе! За просто так, думаешь, люди берут на себя такую обузу? Благодетели, типа, да?!

ДОЧЬ: Я не знала.

МАТЬ: Чё ты не знала?

ДОЧЬ: Что ты ко мне приходила.

МАТЬ: Да я раз сто была там, под этой трухлявой черешней, и все пялилась на этот дом... Каждый раз, когда была по уши в дерьме, садилась в автобус и ехала к той мерзавке... Подарки тебе везла!

ДОЧЬ: Подарки?

МАТЬ: Я оставляла там, у забора... Думала, ты потом найдешь...

ДОЧЬ: Не было там... Ничего не было.

МАТЬ: Херовину всякую... Ну, фотку из Амстердама, с концерта... Конфеточек... Коробка была еще красивенькая, думала, тебе, чё-нить складывать... краски, заколки — у тебя были такие красивые волосики... Помаду — зеленую-зеленую, класс!.. Ну, и всё такое...

ДОЧЬ: Я ничего этого не видела.

МАТЬ: Ну и пофигу. Забудь. Самой противно было... нюниться. После этой деревни у меня каждый раз было ощущение, что я снялась в сопливом бразильском сериале... Бывало, потом закоптимся с дружбанами,

раскокаем пару витрин, попинаем какого-нить старпёра, глядишь — отлегло!

ДОЧЬ: Я правда ничего не знала!

МАТЬ: Не спросила б — жила б себе спокойно... Бляха! Лучше было сдохнуть, как сказал Джонни Роттен... Выпить нечего!

Нервно ходит по комнате.

ДОЧЬ: Хочешь, схожу?

МАТЬ: И не думай!

ДОЧЬ: Хоть пива куплю тебе!

МАТЬ: Сбегаешь разок за пивом, да так и останешься тут. И будешь грузить...

ДОЧЬ: Не буду.

МАТЬ: Как же — не будешь!

ДОЧЬ: Сказала нет — значит, нет!

МАТЬ: Точняк моя мамаша. Тож все грузила, грузила. Прямо убила б иной раз! Однажды я накинулась на нее и давай душить, аж морда посинела!

ДОЧЬ: Я что — и впрямь на нее похожа?

МАТЬ: А то! Чем дальше, тем больше. Лан, ну ее, эту сучку...

Мать берет телефон, перекладывает его из руки в руку.

Бляха, чё ж никто не звонит-то? Четверг, вечер, неужто никто не дронит...

ДОЧЬ: А на отца я похожа?

МАТЬ: Ну вы, убудки, позвоните уже, что ли!

Звонит телефон.

Во, наконец-то!

Нажимает кнопку.

(бархатным голосом) Даааа...? Вам когоооо? (грубо) Чё? Френк, козлище, скока те говорить — не звони на этот номер! Я ж работаю! Работаю, понял? Не, у меня по нулям. И гости. Не вздумай припереться... Потом... Да хер знает, когда! Через час. Да никакой не мужик. Одна... чувиха. Не, ты ее не знаешь. Соцработник. Френк, отвали. Вдруг мне какой урод не может дозвониться! Да не могу я щас говорить, отстрянь!!

Прерывает связь.

ДОЧЬ: Значит, я теперь соцработник?

МАТЬ: Френк о тебе не знает.

ДОЧЬ: Ты меня стыдишься?

Мать пинает табурет.

МАТЬ: Ну, я балдею! Вылитая мамашка! Так ее щас и вижу, словно из гроба вылезла, чтоб меня доставать!

ДОЧЬ: Ладно, молчу.

МАТЬ: Как же она меня доставала! Дня не было, чтобы не грузила. Не успели отца похоронить, как она: **(передразнивает)** *Одни мы остались, голубушка... Только ты и я, никого у нас больше нет. Вот выучишься, поступишь в институт — папа так хотел, чтобы ты...* И такое — каждый день, каждый день, пока я не смоталась.

ДОЧЬ: А на дедушку я не похожа?

Мать успокаивается, садится рядом с дочерью, всматривается в нее.

МАТЬ: Не-а... У него была борода. Седая...

Молчание.

И очки. Лысый был. Но не совсем...

Дочь не выдерживает, смеется.

Чё ржешь-то?

Дочь хохочет.

Да чё я такого сказала?

ДОЧЬ (смеясь) Прости... Ой, не могу... Борода была... Лысый...

Мать тоже начинает смеяться.

МАТЬ: Всамделе... Да я ж не про то... Я его прям как щас вижу...

Обе смеются.

ДОЧЬ: У меня никогда не будет седой бороды...

МАТЬ: Ясен пень!

ДОЧЬ: И лысины тоже!

МАТЬ: Угу, если тока рак не придется лечить...

Долгий хохот, наконец, успокаиваются

Давно я так не ржала!

ДОЧЬ: И я!

МАТЬ: Кроме как с Миро...

ДОЧЬ: Моим отцом...

МАТЬ: Ржали, как две обдолбанные квакуши. Клевый он все ж был... Ток знаешь... Эт все я... И ирокез ему соорудила... Жуть как хотелось, чтобы у

моего парня был ирокез... И кольцо в носу... и везде-везде... Это был наш бунт, понятно?

ДОЧЬ: Против чего же ты бунтовала?

МАТЬ: Да хер знает... Забыла уже. Но было клево!

ДОЧЬ: Так, значит, вы были такими ни с того ни с сего? Просто так?

МАТЬ: Ну ты ляпнула! Как это — просто так? Бунт — он всегда против. Чего-нибудь. А против чего — сразу и не найдешься сказать. Потом уж и не вспомнить... Что бесило, уже ушло, а ты как был, так и остаешься. Бешеный, злой.

ДОЧЬ: А я вот не злюсь.

МАТЬ: Да как же не злиться-то? Будто не на что!

ДОЧЬ: Не злюсь, что бабушка рано умерла... Не злюсь, что ты сдала меня на воспитание чужим людям... Не злюсь, что за все время навестила меня только раз... Не злюсь, что не пришла на похороны отца... Не злюсь...

МАТЬ: Ах ты, дрянь! Расселась на моем диване и выносишь мне мозги. Не злится она, как же! Да ты и приперлась-то от злобы! А чё тебе злиться? Что не было у тебя такой же говенной семьи, как у других? Что тебя растили чужие? Злиться на пустом месте — это хрень собачья! Злиться надо на весь мир!! Поняла?! А ты — да разве ты злишься?! Ты просто мстишь! Мстительность у тебя, а не злость! Ты, дочь моя, приперлась тут меня доставать, вину мне навесить хочешь! Накося-выкуси! Уж я-то знаю, с чего мне было злиться, вся моя молодость — это злость и злоба! И сейчас тоже! А ты, говнючка, думаешь, что зло — это когда у тебя нет дюжины кукол! Знаешь, что такое настоящая злость? Это когда видишь мир насквозь, и он так мерзок, что с ним лучше не связываться! Вот что такое бунт, шмакодявка!

Пауза.

ДОЧЬ: *Дочь моя.* Ты сказала — *дочь моя.*

МАТЬ: Сорьки. Вырвалось. Я не хотела. Больше не буду...

ДОЧЬ: Да я для того и пришла...

МАТЬ: Чтобы меня грузить! Мы же договорились...

ДОЧЬ: Да нет же... Я пришла сказать тебе...

Мать берет в руку телефон.

МАТЬ: Что ж ни один козел-то не позвонит!!

ДОЧЬ: Мне хотелось... На похоронах отца...

МАТЬ: Хватит про эти сраные похороны! Чё ты мне глаза ими колешь? Не знала я, что он помер! Да если и так — наверно, это был чудный день, чтоб сдохнуть. Вот он и... Да я, может, и знала бы — не пошла б! У нас уже давно все было кончено, ясно?

ДОЧЬ: А мне казалось, нужно тебя разыскать. Все-таки отец... Я и ему хотела сказать, что...

МАТЬ: Миро — он был клевый. Да я уж тыщу раз говорила. Это с ним я впервые потыкалась, не хухры-мухры! А потом он отпал... И чё теперь? Чё мне теперь — до смерти в соплях ходить? Не надо было мне его с нашими сводить. Он не был нашим. Дурацкая затея была — впаривать ему нашу музыку... Даже ирокеза не хотел, артачился, я заставила. Работу из-за этого потерял. Вышвырнули из лавки. Зеленщик сказал, не позволит, чтобы картошку-фигошку там всякую продавал тип с ирокезом и серьгой в носу. И тогда Миро обозлился. Сцепился с ним — справедливости захотел. И в участке наговорил какой-то хрени, про свободу... про социализм гребаный, а его — на нары. Три месяца дали! Парню девятнадцать, красавчик, вот и драли его там в задницу, что сидеть не мог. Зашивать пришлось. Совсем другим вернулся. Косяк за косяком выдувал. И я его бросила.

ДОЧЬ: Как же ты могла? Сразу после такого?

МАТЬ: А чё? Я ему была уже побоку... Да и не только это. Вот смотрит он на меня, а мне паскудно. Ведь это я выдернула его из зеленой лавки, я его сделала таким, под себя старалась! Нельзя было так, нельзя! Вот и хотелось мне, чтоб сгинул с глаз подальше: тяжело рядом с ним было — хоть вой. Еще и потому, что он в тебе души не чаял. И мать его любила. Да я от них обоих зверела! Они, значит, друг от дружки без ума, а я — пришей-пристебай. Ни любви никакой, ничего. Отморозок.

ДОЧЬ: Что — и меня не любила?

МАТЬ: Тебя... Ну, к тебе еще так-сяк, а к Миро — все, капец. Это было хуже, чем тюрьма, уж пусть бы лучше меня посадили и трахали во все дыры, чем сидеть с ними за одним столом, хлебать эти проклятые домашние супчики!

ДОЧЬ: Почему же ты не оставила меня у них?

МАТЬ: Мама умерла. Просыпаюсь — а она уж остыла, как пиво в холодильнике. И Мирю как свихнулся. Мамку похоронили — сразу же заглотал штук сорок колес, а потом еще выхлестал полбутылки водки. Вторую половину допила я. Он — хлоп в кому, его увозят в больницу. Чё делать? Да и все равно мне как-то сделалось... Мамашка окочурилась, и меня будто не стало. До той поры я и не знала, что она для меня так много значила... Я и на траву-то подседа, чтоб забыться. Соседи настучали в органы опеки — ты так истошно орала... Ну, и...

ДОЧЬ: Жила бы с ним. Была б у вас квартира, можно было начать все заново... Были бы вместе. Ну почему ты с ним не осталась!

МАТЬ: А зачем?

ДОЧЬ: Затем, что это мой отец.

МАТЬ: Отец, как же!

Мать закуривает, дочь в изумлении смотрит на нее.

Ну чё вытаращилась, как телка на живодерне? Не он твой отец! Не он!

ДОЧЬ: А кто?

МАТЬ: А может, и он... Не знаю. Я сказала ему, что, пока он сидел в тюрьме, у меня были другие. Ничего от него не скрыла. А он ответил, что все равно будет *счастливым отцом*, даже если ты не от него, и все равно тебя любит, короче, молот всякую чушь. Еще и этим меня достал. Каково, думаешь, жить бок о бок с человеком, который все тебе прощает? Навесил на меня всю вину, и думает удержать, да? А мать всегда стояла за него горой...

ДОЧЬ: И кто же тогда мой отец?

МАТЬ: Понятия не имею. Чё у меня их — мало было? Волосы у тебя, как у Сучонка... Рыжеватые... Глаза — как у Марио ... Такие ж раскосые... Хотя не знаю, то ли он сам по себе косой был, то ли от дури... А подумать — так, может, и Перо наследил... у него щас крутой бизнес, такие бабки гребет... Во если б ты была от него!..

Дочь усмехается.

Опять ржешь?

ДОЧЬ: Не знаю, что и сказать... Я думала...

МАТЬ: ...что Миро — твой отец! И — здрасьте-приехали! Да не похожа ты на него ничуть! Разве что эта страсть к овощам... Он ими торговал — ты их хаваешь. Только это у вас общее, больше ничего!

Дочь встает.

МАТЬ: Ты чё...? Тебе нехорошо? В жизни, детка, хорошо не бывает. *Пока жив, будь готов ко всему*, — так, кажется, говаривал наш покойный президент Тито?

ДОЧЬ: Мне пора.

Идет к дверям.

МАТЬ: погоди!

Дочь останавливается.

Сама не знаю, зачем я на тебя все это вывалила.

ДОЧЬ: Понимаю... Это злость.

МАТЬ: Да, злость. До сих пор не проходит.

ДОЧЬ: Ты и сама злая.

Молча смотрят друг на друга.

МАТЬ: Злая? А ты бы хотела и дальше верить, что Миро — твой отец? Так, может, он им и был... По срокам сходится. Я забеременела еще до того как его посадили. До того как его там оттрахали. Но я и тогда уже была с другими. Подумаешь, делов-то! Все так делали. Вместе слушали музыку, вместе набивали косяки, спали вповалку... Мы все делали вместе. У нас был общий враг.

Молча смотрят друг на друга.

Ну побудь еще чуток!

ДОЧЬ: Нет. Мне пора.

МАТЬ: Ну, ты еще... это самое... зайдешь?

Телефонный звонок. Мать снимает трубку.

Да? Алло? Даааааа, слушаю! Ты ведь мне раньше не звонил, нет? Ну, будем на "ты"? Даааа? Это вам уже стоооолько? А мне пусть сколько?

Смеется — голос сильно помолодел.

Так мне ж столько и есть! И как вы угадали? Нееет, я уже умею... Да, семнадцать. Да, брюнетка... Крашенная, а вообще-то блондинка. Если надо, к следующему разу перекрашусь... Хвостики... Целых два... Где? Ах

ты, шалунишка! На голове у меня хвостики, а там, внизу, все выбрито...
Гладенько, да?

Дочь уходит. Мать прогуливается по комнате с телефонной трубкой в руке.

МАТЬ: Да не спеши ты, дай лягу... Да, на мне такая коротенькая юбочка... Выше коленочек... Намного выше... Трусишки? А как же! Голубенькие, с Микки-Маусом! Мышка такая, прям посередине... Это мне мамочка купила! Да, я их уже... Ага!.. И легла на спинку...

Прикуривает сигарету.

МАТЬ: Вот... Ласкаю себя... Скажи, где мне себя погладить? А знаешь, где мне больше всего нравится себя гладить? Знаешь? А ты? Что сейчас делаешь?..

Свет на сцене постепенно гаснет.

Картина 2

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ:

То же, что и в картине 1. По-прежнему беспорядок, грязь. Повсюду валяются вещи.

Дочь сидит на диване. Девятый месяц беременности. Неплохо одета, в приподнятом настроении. Мать ходит по комнате, курит. В руке бутылка пива.

ДОЧЬ: Пообещали взять на постоянно. Я так обрадовалась — мне аж дурно сделалось. В глазах потемнело от счастья. Представляешь, мама? Глядишь, в менеджеры выбьюсь!

МАТЬ: Мне тоже предложили постоянную работу... Но... Проспала пару раз — и гудбай. Ну не могу я рано вставать, хоть ты тресни!

ДОЧЬ: Собираюсь теперь снять комнату.

МАТЬ: Ты уж прости, но жить тебе у меня всамделе нельзя.

ДОЧЬ: Да ладно... Комната у меня — чудесная. Солнечная. Мирану тоже нравится.

МАТЬ: Миран — это твой хахаль?

ДОЧЬ: Да. Мы будем жить вместе.

МАТЬ: Прямо как твой папашка...

ДОЧЬ: Ты про что?

МАТЬ: Твоего отца тоже звали Миро.

ДОЧЬ: Мой парень — Миран, а не Миро.

МАТЬ: Велика разница!

ДОЧЬ: Что?

МАТЬ: Подумаешь! Миро, Миран!

ДОЧЬ: Ну, вот что... Не пошла бы ты на...

МАТЬ: С удовольствием, вот проспится Френк, и сразу пойду!

Подходит к двери, ведущей в спальню, открывает ее, заглядывает внутрь.

МАТЬ: Френк, а, Френк! Мать твою! Ты чё там — околел?

Из спальни доносится кашель.

МАТЬ: Вроде нет... Жаль.

Закрывает дверь.

МАТЬ: Ну, не могу я без мужиков! Неймется мне. Все равно что не курить. Вот и прибивается всякое говно. Те, кого другие бабы давно послали...

ДОЧЬ: А как твой секс по телефону? Работаешь?

МАТЬ: Не-а. С хозяином не поладила. У меня стока трафика было, а он платил все меньше и меньше. В конце концов даже на курево не стало хватать... Ну да Френк работает... Когда не в запое. А я — подрабатываю. Внизу, в кафе. По вечерам. Пол подмести, пепельницы вытряхнуть... Мне хватает. *"Человеку хватит и того, что есть"*, — помнишь, как там у Джонни Роттена?

ДОЧЬ: У меня тут кое-что есть... с собой. Пиво! Хочешь?

Гладит себя по животу. Мать садится рядом, откупоривает бутылку, делает глоток.

МАТЬ: Спасибо, пиво — супер!

ДОЧЬ: На здоровье.

МАТЬ: А этот твой Миро или Миран — он как? Не дерется? Бережет тебя?

ДОЧЬ: Да! Он очень хороший! Я так счастлива!

МАТЬ: А чё он слушает?

ДОЧЬ: Не знаю... Все подряд...

МАТЬ: И фольк тоже?!

ДОЧЬ: Нет, фольк не слушает.

МАТЬ: Моцарта?

ДОЧЬ: Не знаю... Мы об этом не говорили.

МАТЬ: Я вот со своими всегда перво-наперво договаривалась насчет музыки. Френк слушает хеви-метал: его батя был сталеваром. Я никогда не сошлась бы с теми, кому нравится Элтон Джон. Пидар он был, знаешь? Музыка — это целый мир. Это и есть ты, твои мысли, чувства. Музыка — она внутри, но внутри не только музыка, там ощущения, злость, слова наши, понимаешь? Нельзя слушать чё попало. Как может нравиться все без разбору? Или — или! Вот у тебя есть любимая музыка?

ДОЧЬ: Не знаю даже... Мне всё хорошо...

МАТЬ: Как это — всё?

ДОЧЬ: Да как-то вот ... Всё подряд.

МАТЬ: Всё — это ничего! Моя дочь не слушает ничего! Значит, она — ничто! Кто ничего не слушает, тот ничто!

ДОЧЬ: Давай не будем об этом! Пожалуйста!

МАТЬ: (передразнивает) *Не будем об этом!* Да ты и поговорить толком ни о чем не можешь. А ну, шмакодявка, выкладывай все, как на духу! Ток не юли!

ДОЧЬ: Да я не юлю. Мне и хотелось бы поговорить... О чем-нибудь дельном.

МАТЬ: Хорошо! Давай о дельном!

Пьет. Пауза.

Ну? Так какая музыка тебе нравится?

ДОЧЬ: Я уже сказала. Любая, по настроению.

МАТЬ: Бляха, щас бы поставила! Крутое чё-нить!

ДОЧЬ: А поставь!

МАТЬ: Фигушки. Френк разбил мне кассетник. В окно вышвырнул. Вчера.

ДОЧЬ: Зачем?

МАТЬ: У нас возник небольшой спор. *Идейный*, как говорится.

ДОЧЬ: Это как?

МАТЬ: Он хотел слушать "Дорз", а я — "Клэш" Тогда он сказал, что "Клэш" — задроты, а я ему, что Моррисон — говенный шлягерник. Не можешь срать — не мучай жопу! Денег греб немеряно, вот и начал строить из себя Иисуса. Смеха ради. Ну, Френк полез на меня с кулаками, я ему съездила бутылкой по харе его мятой, он мне тоже врезал. Во, губу разбил, скотина...

ДОЧЬ: Да у тебя ж она еще на той неделе была разбита?

МАТЬ: Да? Правда? Ну, тогда еще ничё...

ДОЧЬ: Ну, и что было потом?

МАТЬ: Потом... Пока я на полу барахталась, он уже "Дорз" поставил (кривляется): Ай кэнт си ё фейс ин май майнд". Ну, я взяла и швырнула кассетник в окно, прям на чью-то машину.

ДОЧЬ: Так это не он его выбросил?

МАТЬ: А чё эт вдруг — он?

ДОЧЬ: Ну, ты же сама сказала...

МАТЬ: Не, эт я. А он чуть меня не выбросил. Соседи полицию вызвали.

ДОЧЬ: И что полиция — приехала?

МАТЬ: А то! Целый час тут проторчали. Все записали! Елки, я чувствовала себя, как в старые времена. Фрэнка забрали в вытрезвитель. Через полсутки выпустили. Тепер дрыхнет, зараза.

ДОЧЬ: Бурная у вас жизнь!

МАТЬ: (довольная) Да, всегда чё-нить происходит! Будь я писательница — такого б понаписала!

Осушает бутылку пива.

ДОЧЬ: У меня еще две с собой.

МАТЬ: Во молодец, спасибо! И жратвы тепер не надо!

ДОЧЬ: Хочешь, я тебе денег займу? Зарплату получила.

МАТЬ: Не. Вам с Миро или Мираном, как там его, нужнее. А чё ж ты его не привела показать?

ДОЧЬ: Работает он.

МАТЬ: Где?

ДОЧЬ: в офисе.

МАТЬ: Да ты чё!

ДОЧЬ: Угу. В банке.

МАТЬ: И денежки у него, небось, водятся?

ДОЧЬ: Он только недавно туда устроился.

МАТЬ: И вы теперь будете жить вместе?

ДОЧЬ: Пока что я буду жить одна, потом...

МАТЬ: А чё эт одна? Жили б вместе... Дешевле ж!

ДОЧЬ: Мы так решили. Нам надо получше узнать друг друга.

МАТЬ: Ха! Он тебя забрюхатил, и вы еще плохо друг друга знаете? Вот те на!

ДОЧЬ: Ну, как сказать... Зачем тебе все это?

МАТЬ: Не, мне интересно!

ДОЧЬ: Тебе никогда не было интересно, как я живу, и вдруг заинтересовалась!

МАТЬ: И то. Всамделе. Знаешь, я, наверно, становлюсь как моя мамашка. И если стану совсем как она, скажу себе: ну вот, пришел чудный день, чтоб сдохнуть. Тут же, на месте. Не дай Бог стать, как она.

ДОЧЬ: Я плохо помню бабушку. У тебя есть ее фото?

МАТЬ: Плохо помнишь?! Тебе уже года четыре было, когда ее не стало.

ДОЧЬ: Помню, она была вся седая.

МАТЬ: Да она красилась! Под седину! С тридцати лет! Выпендривалась, училка хренова! Ну ладно бы в красный, зеленый, в блондинку, наконец ... Да она прям тащилась от того, что вся такая седая и умная!

ДОЧЬ: И что — ни одной фотографии не осталось?

МАТЬ: Лица должны быть в голове. Если это люди, до которых тебе есть дело. Ценно лишь то, что ты держишь внутри. Все остальное — сор, дерьмо.

ДОЧЬ: Помню, мы с бабушкой часто оставались одни...

МАТЬ: Эт когда мы с Миро, твоим папашей, все время зависали... Слышь? Одного не пойму — и как ты умудрилась найти себе мужика, которого зовут так же, как и твоего папашку! Сдуреть!

ДОЧЬ: Ты сказала, что он мне не отец.

МАТЬ: Я сказала — *может быть*, и не отец. А ты и запомнила! Наверно, все ж-таки отец. Тож сразу все запоминал. Да какая уже разница... Когда мой отец умер, я привела Миро домой. У нас была огромная квартира. Места — скока хошь... Матери он понравился. Не знаю, чё она там себе думала — что этот овощевед с ирокезом на голове меня воспитает? Ну, и жили мы с матушкой... некоторое время. Пока эта галоша старая не начала нудить (передразнивает): "*Шла бы ты работать! Ведь вроде*

неглупая девочка. И Миро что-нибудь найдем! Хочешь, вам папины друзья помогут устроиться? Папу все любили... Я поговорю с ними... Как же нам тяжело без нашего папочки!" Меня с души воротило. Мы старались реже бывать дома. Неделями не приходили. Только пожрать, да за деньгами. У матери пенсия была хорошая. Как же мы отрывались! Мир стоял вверх тормашками! И мы были в самой гуще! Мы писали на стенах: "Долой!" Нас отлавливали, били. Мы тоже дрались. Миро попал в тюрьму. Я осталась одна, с животом. В тюрьме его затрахали так, что ему жизнь не мила стала. Был не в себе. Я родила — он вообще перестал выходить из дому. Колеса и водка. Шутил со смертью...

ДОЧЬ: Перестань, замолчи!

МАТЬ: Но покончить с собой ему было слабó. Просто сидел дома, носил тебя на руках и жрал таблетки, пока в один прекрасный день...

ДОЧЬ: ...не уронил меня... Это я уже слышала.

МАТЬ: Я что — и это уже сказала?

ДОЧЬ: Угу.

МАТЬ: Ну, значит, ты и так все знаешь!

Встает и направляется в угол, где нагромождены коробки. Смотрит на них. Дочь сидит на диване, гладит живот...

ДОЧЬ: Ужасно, что я ничего не помню. Ни одной картинки в голове. Помню только, что мне было хорошо... Спокойно... Бабушкиного лица не помню... волосы у нее были седые... Ни отца не помню, ни тебя... Я знала, что вы есть, но и это не наверняка — только по рассказам бабушки... Словно ничего и не было до того, как меня отдали в деревню... А если и было, то как в сказке... Если нет воспоминаний, то все равно, что ничего и не было.

Мать копается в вещах.

МАТЬ: Уф, нашла! Даж и не знаю, как это я ее не выбросила, когда все продавала...

Вынимает из ящика фотографию.

Надо же — уцелела! Бери, если хошь!

Бросает фото дочери, открывает о край стола бутылку пива.

ДОЧЬ: Бабушка!

Мать подносит бутылку ко рту, пьет. Дочь выглядит растроганной.

И я рядом с ней! Теперь мне кажется... Я что-то вспоминаю...

МАТЬ: А я — нет.

ДОЧЬ: Она повела меня к фотографу. У меня был день рождения.

МАТЬ: О как!

ДОЧЬ: А торт был ненастоящий! Муляж! С ним можно было только фотографироваться. И свечи мы принесли с собой. Четыре! Как же я плакала, когда оказалось, что и крем несъедобный! Бабушка сказала: ткни в крем пальчиком, а дядя тебя снимет... А он оказался твердый, пенопластовый! Потому у меня такое лицо — вот-вот разревусь... Теперь я все помню!

МАТЬ: Ну и радуйся: есть у тебя и фотка, и воспоминания!

ДОЧЬ: А ведь без этой фотки я бы ничего и не вспомнила!

МАТЬ: Ну и кому теперь от этого лучше?

Молчание. Мать пьет пиво. Дочь рассматривает фото.

ДОЧЬ: А почему ты ее хранила?

МАТЬ: Да я и не думала ее хранить!

Дочь встает и направляется в угол, к коробкам.

ДОЧЬ: А вдруг там есть еще?

МАТЬ: Нет! Одна была!

ДОЧЬ: Я только гляну...

Мать подсакивает к дочери, хватая ее за локоть.

МАТЬ: Не смей! Не смей, паршивка, рыться в моих вещах!

ДОЧЬ: Я только...

МАТЬ: Там ничего больше нет! Никаких фоток!

ДОЧЬ: Наверняка есть еще...

МАТЬ: Наверняка! Я тебе дала фотку этой мегеры, чтоб ты не нудила. Больше ничего не дам!

ДОЧЬ: Так, значит, у тебя есть еще?

МАТЬ. Нету!

ДОЧЬ: Но ведь ты сама только что сказала... А фотография папы есть? Со мной на руках? А твоя? Когда ты меня только родила?

МАТЬ: Ничего там больше нет! Я все порвала, сожгла, выкинула! Какое мне дело до прошлого, до всех этих воспоминаний! Что было, то и дала!

ДОЧЬ: Но ведь зачем-то они у тебя хранятся?

МАТЬ: Да нет их у меня, нет!

ДОЧЬ: Ну, дай я сама посмотрю!

Мать начинает подталкивать дочь к входной двери.

МАТЬ: Вали отсюда! Шкандыбай! Будут тут всякие копаться в моих вещах!
Шмакодявка сраная!

ДОЧЬ: А ну, не толкай меня!

МАТЬ: Мотай отсюдова, сказано!

Дочь хватается за руку, сжимает ее запястье.

ДОЧЬ: (энергично) Не толкайся! Я тебе потолкаюсь!! Уйду, не верещи! Но, имей в виду — ноги моей здесь больше не будет!

Мать замолкает, высвобождает руку, удаляется в угол комнаты, закуривает. Пауза.

МАТЬ: (успокоившись) Я не хочу, чтоб ты смотрела мои фотографии.

Дочь усаживается, обнимает руками живот.

ДОЧЬ: Ну, и не надо.

Мать допивает пиво.

МАТЬ: Я некрасивая.

Дочь взглядывает на мать.

На этих фотках.

ДОЧЬ: Неправда.

МАТЬ: Я и тогда была, как щас. Жирная.

ДОЧЬ: Да ты совсем не жирная!

МАТЬ: Ха! Хоть что-то в тебе — от меня. Врешь и не краснеешь!

ДОЧЬ: Молодость — это всегда красиво!

МАТЬ: Да кто тебе такое сказал! Можно быть молодой и страшной — с целлюлитом, с прыщавой мордой и спиной, ноги колесом... И тогда тебя никто-никто не любит...

ДОЧЬ: Я тоже не красавица...

МАТЬ: Да ты по сравнению со мной — Мадонна! А я была бесформенная, как тыква. Мой отец меня иначе и не называл, как "*моя толстушка*". И мать все твердила: надо худеть, надо худеть. Сколько себя помню! Еще когда я в садик ходила! Вишь, ты совсем не помнишь своего детства, а я помню все. Только и делали, что доставали...

ДОЧЬ: И поэтому ты не хочешь показать фотографии?

МАТЬ: Да, не хочу! Знаешь, что было каждый вечер? Мой драгоценный папик читал мне на ночь книжки. Да какие!

ДОЧЬ: А мне вот никто не читал книжек.

МАТЬ: Ах ты, бедняжка! **(ерничает)** Прямо Девочка со спичками, история которой известна всем и никого уже не трогает!

ДОЧЬ: Может быть, бабушка мне что-то и читала...

МАТЬ: Папочка тебе читал... Или кто он там тебе... Нет! Он пел для тебя! Пел, пока ты не заснешь! Включал "Секс пистолз" и подпевал, как чокнутый. У кого-то был покой, а у тебя — музыкальное воспитание в сто децибел!

ДОЧЬ: А что тебе отец читал перед сном?

МАТЬ: «Илиаду» и «Одиссею»! Представляешь?! Он был учителем, бредил прекрасными богами и богинями, гладиаторами с совершенными телами, полногрудыми стройными нимфами и мускулистыми сатирами... В результате я очень рано поняла, что я выродок, а этот мир заточен под красавчиков. У них больше шансов. На смазливых девочек и мальчиков обращают внимание, им верят с полуслова, их все любят... Им чаще ставят хорошие отметки. А если ты маленькая, толстая и рожей не вышла, то ты глупа, бездарна и ничтожна!

ДОЧЬ: Неправда.

МАТЬ: Правда-правда! Тебе этого не понять! Посмотри на себя! Ну, живот — это не навсегда, и скоро ты опять станешь красоткой. Длинные волосы, милое личико, стройные ноги, чистая кожа... А здорово все-таки, что я сдала тебя этой скотнице! Если б ты таскалась по городу, как я, была бы вся в прыщах и кривоногая!

ДОЧЬ: Почему ты не хочешь говорить со мной серьезно?

МАТЬ: Ну ты даешь! Я что — несерьезно с тобой говорю? Да я всю жизнь была серьезной. Потому что была уродкой. Уроды всегда серьезны. Их точит уродство. Да еще и мать, твоя седенькая бабушка, мне то и дело говорила: *"И в кого у тебя такая кошмарная кожа? В нашей семье толстых отродясь не было... Все были красивы и даровиты!"* Ты и представить себе не можешь, какой сволочью может быть вот такая благообразная бабуля. Она задавалась вопросом, в кого я такая дурнушка, а я себя все спрашиваю, в кого ты такая красавица. Если б я не знала, что это я тебя из собственного брюха выпихнула, да с таким

трудом, что все сосуды в глазах полопались, если бы не помнила, какая это боль, я была как раздавленная слива, как будто грузовик меня переехал... То думала бы, что тебя родила другая, в роддоме перепутали... А если и впрямь перепутали? Запросто! Вот! Потому ты на меня и не похожа!

Дочь едва удерживается, чтобы не расхохотаться.

ДОЧЬ: Ну, и каким он был, мой папа?

МАТЬ: Который? Сучонок, Марио, Свин, Кощей, Жан, Перо, Бимбо?

ДОЧЬ: Каким был Миро?

МАТЬ: Да ты ж видала его... В хосписе...

ДОЧЬ: Ему ампутировали обе ноги... Он так исхудал... Одни глаза остались...

МАТЬ: Да? Хм... Когда мы были вместе, он был очень даже ничего... Молодой. Красивый. Даж не верилось, что он меня хочет. Ну, может, и хотел — я для него всегда старалась... В смысле секса. Это потом он стал другим. Умирая, красивым быть нельзя. Да вот взять твою бабушку. Когда она умерла, лицо у нее сделалось — фу! Такой же она была, когда орала на меня. А Миро... Когда его уволили из овощной палатки, он начал травить себя почем зря. Так и старался сдохнуть. Таблетки, спирт, клей, трава, бензин... Все что под руку попадалось. Только что на иглу не сел: при социализме наркоту достать было непросто. Когда мы жили с мамой, Миро сожрал у нее все таблетки от давления, аспирин, слабительные... И в конце концов попал под поезд, ему отрезало ноги... Он не собирался кончать с собой, просто заснул на путях. Мы оттягивались в клубе неподалеку от железки, он вышел проветриться. Я слышала, как приехала «скорая», но мне было по фигу, что там стряслось. Сучонок сказал — кого-то переехал поезд. И лишь через два дня я узнала, что это был Миро... Потом у него открылся диабет, стала отказывать печень, почки были ни к черту, да тут кто угодно нажрался б таблеток! И не удивительно, что в хосписе он подурнел, похудел... Одни глаза...

ДОЧЬ: Он свел счеты с жизнью, потому что ты его бросила.

МАТЬ: Да чё ты городишь, сучка драная!

ДОЧЬ: Когда я была у него в последний раз, он сказал, что все еще любит тебя.

МАТЬ: Да он уже и говорить-то был не в состоянии! Мозги размягчились! Он и ходил-то уже под себя!

ДОЧЬ: Это из-за тебя он стал таким!

Мать впадает в ярость.

МАТЬ: Нет!! Не из-за меня! Сам во всем виноват! Каждый сам виноват в том, что с ним случается! Вот ты — ходишь брюхатая, потому что это ты такая дура, а не тот, который не сумел вовремя спрыгнуть!

Молчание. Мать лихорадочно закуривает.

Бушь?

Протягивает дочери сигарету. Дочь молча смотрит на сигарету, потом берет ее. Мать дает ей прикурить.

А хошь травки? Френк притаранил.

Затяжка.

ДОЧЬ: Девять месяцев не курила!

МАТЬ: Не, траву лучше не надо — мало ли чё... В твоём состоянии... Хошь пива?

Достает из пакета бутылку пива. Открывает о край стола.

Да, вот так-то... Никому я не нужна была. А у всех уже хахали. В пятом-шестом классе! И мои подружки таскали меня с собой, для прикрытия. Чтоб родители не думали... Тискаются по углам, а я стою на стреме. Как мне хотелось, чтоб и у меня завелся хоть кто-нибудь! Красавчик писанный, чтоб все обзавидовались! Но — кому я сдалась, ни кожи, ни рожи? А я бегала за мальчишками, задаривала, у матери из сумочки деньги таскала, покупала им кока-колу, сигареты, делала за них уроки, они это принимали! И — ржали у меня за спиной!

Протягивает бутылку дочери. Дочь пьет.

Потом я всем наврала, что у меня есть сосед. Красив, как Одиссей, старше меня, качок, волосатик, настоящий бандит, и он меня трахает! Уроков не дает делать — тут же подминает! Мне никто не верил. Ха! Притворялись, будто верят, и насмехались! А я знала это, но все равно врала!

Дочь передает бутылку матери.

А потом пришла музыка. Я поняла, о чем там поют. Обо мне поют. И были там парни, девчонки, такие ж, как я. Понимаешь? Все стало по-другому. Они были свободны, не выпендривались. Им было все равно, кто как выглядит, их интересовало другое! Их бесило, что этот мир — для красавчиков, для богачей! Они словно и не видели, что я дурнушка! Им это даже нравилось! И я из кожи вон лезла, чтобы им угодить! Мне было

страшно их потерять, я с таким трудом их нашла! И сразу у меня завелось стока всяких разных... скока хошь! Им было начхать, как я выгляжу, они, даже самые-самые что ни на есть, были не прочь со мной перепихнуться, и я никому, никому не отказывала! Один, другой, третий... И никто надо мной не издевался, никто меня не чурался! Я поняла: вот оно — настоящее! И была счастлива! Впервые в жизни была счастлива! Веселая, злая, страхолюдина! И — по-настоящему счастливая!

Дочь тушит сигарету, смотрит вдаль.

ДОЧЬ: Мой Миран — красавец. Высокий. Блондин.

МАТЬ: Неужели таких еще делают?

ДОЧЬ: Всегда чисто выбрит. Следит за собой. Короткая стрижка. Образованный. Предупредительный.

МАТЬ: Да иди ты!

ДОЧЬ: Придержит дверь, подаст пальто, приобнимет... В ресторане — подождет, пока я сяду первая. Дарит цветы, духи, водит в кино, театр, мы с ним выезжаем на природу... А как он готовит! Все может! Даже пирожные!

МАТЬ: Он что — голубой?

Тушит сигарету.

Пардон! *Хреново шучу. (с гримасой) Вэри-вэри бэд джоук!*

Дочь продолжает, словно в трансе.

ДОЧЬ: У него светлые глаза. Голубые. Ясные, пронизательные...

МАТЬ: Прямо как у твоего папаши, когда он торговал овощами!

ДОЧЬ: Лишь посмотрит на меня — сразу видно: любит.

МАТЬ: Держись за него, малявка! Наверно, этот тип из другой галактики, и однажды за ним прилетит летающая тарелка, чтоб забрать его! А потому — не выпускай его из рук, бери от него все, пока он опять не превратится в инопланетянина!

Шум в спальне. Что-то падает на пол.

Френк проснулся.

Встает и направляется к спальне.

Френк, твою мать, щас ты мне все переколотишь! А я ведь тока что прибрала!

Удаляется в спальню. Дочь встает и тихо подходит к коробкам, стоящим в углу. Из комнаты слышны вопли.

Ну куда ты блюешь, придурок! Это ж моя одежда!

Дочь открывает коробку.

В окно блуй, урод! В окно!

Дочь вынимает из коробки пачку фотографий. Рассматривает их. Их комнаты доносится возня.

Куда?! Стоять, зараза! У меня гости! Могу и я в кои-то веки позвать к себе гостей? Ко мне пришла моя дочь! Моя! Дочь! Ясно тебе, ублюдок? Ах, ты не знал, что у меня есть дочь! Да ты чё — совсем охренел? Натяни штаны, паскуда, будет он яйцами светить...

Дочь рассматривает фотографии и улыбается.

Да не ссы на паркет, козлятина, есть же сортир в доме!

Дочь кладет фотографии в сумочку и покидает квартиру, тихо притворив за собой дверь.

Ляжь, каналья! Не вылазь, а то я те щас рожу разворочу! Сама уберу за тобой, говнюк!

Выходит из спальни, плотно закрывает дверь.

Прикинь — Френк хотел на тебя поглядеть, но он щас в таком кумаре... Короче, приводи своего Миро, или Мирана, как там его... Я хочу на него глянуть — вдруг он тебе не пара? Приводи, а?

Комната пуста. Мать выглядывает в прихожую. Потом закрывает дверь, возвращается в комнату, берет бутылку пива и допивает остатки.

Свет на сцене постепенно гаснет.

Картина 3

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ:

То же, что и в картине 1. Квартира прибрана. Теперь, когда барахло уже не валяется где попало, видно, что вся мебель ветхая, поломанная, случайная. Мать одета довольно аккуратно, на ней, за исключением кое-каких аксессуаров, почти обычный наряд. Дочь качает коляску с младенцем. Мать в углу возле видавшей виды плиты греет на водяной бане бутылочку.

МАТЬ: Еще чуть-чуть, и согрется!

ДОЧЬ: Да он уже заснул!

Мать берет бутылочку, отворачивает рукав и какает молоком на локтевой сгиб.

МАТЬ: Как раз!

ДОЧЬ: (с удивлением) Где ты этому научилась?

МАТЬ: По телеку. Чего только не покажут в этих бразильских сериалах! То и дело рождаются какие-то младенцы — волей-неволей научишься с ними обращаться.

Мать пытается сунуть младенцу бутылочку.

МАТЬ: На, засранец маленький, бабушка тебе молочка согрела!

ДОЧЬ: Не тревожь его, спит же!

МАТЬ: Ну так во сне пососет!

ДОЧЬ: Да не будет он, говорю!

МАТЬ: А давай посмотрим!

Дочь отталкивает руку матери.

ДОЧЬ: Сказала нет — значит нет!

МАТЬ: Ну, нет так нет!

Мать снимает с бутылочки соску и выпивает молоко. Дочь с упреком смотрит на нее.

Да я потом еще подогрею! Для нашего Мирко у нас всегда найдется свеженькое!

Мать склоняется над коляской.

Правда, бутузик? Ути-пути, бабкин говнючок!

ДОЧЬ: Отстань, разбудишь.

МАТЬ: Да ведь он не слышит!

ДОЧЬ: Не слышит, но чувствует!

МАТЬ: Ну, ты и зануда! А что ж ты его качаешь, если он спит?

ДОЧЬ: По инерции. Успокаивает, я в это время думаю.

МАТЬ: Знала б, когда тебе рожать, пришла бы...

ДОЧЬ: Зачем? Со мной был Миран.

МАТЬ: И я хотела... Очень хотела!

ДОЧЬ: Полную палату цветов нанес!

МАТЬ: Да ты чё! А вот когда родилась ты, Миро принес мне кактус. Пришел весь обдолбанный. И Сучонок с ним. Тому, вишь, тоже захотелось побыть отцом. Вместе и ломанулись... Сестры вызвали охрану... Оказалось, Миро спер этот кактус внизу, в цветочном магазине. В коридоре драку затеяли... Ты орешь, мать моя рыдает, а я ржу, чуть с койки не падаю! Во веселуха была! Уж бунтовать-то мы умели! Знаешь, малявка, мы ведь только и делали, что бунтовали. Вся наша жизнь была сплошным бунтом!

ДОЧЬ: А спроси вас: против чего — вы и ответить не сможете. Да вы бесились просто так, чтобы ломать, крушить...

МАТЬ: Много ты знаешь!

ДОЧЬ: Ну вот скажи — зачем было превращать в балаган мое рождение? Кактусов в роддом не носят!

МАТЬ: Вот именно! И это был бунт! Вместе со мной лежала одна кошелка — жена старого жирного артельщика, так он натаскал ей цветов — как на похороны! А мне вдруг приносят кактус! И больше ничё!

ДОЧЬ: Ворованный к тому же.

МАТЬ: Самое то! У Миро не было денег, и он его украл! Если б он при этом нечаянно не разбил витрину, никто б и не заметил!

ДОЧЬ: Чудесно! Мое рождение было ознаменовано кражей и погромом.

МАТЬ: Ха! Видела б ты, как эта овца на своем смертном одре завидовала мне из-за этого кактуса! Правда, икебану ей попортили... Сучонок сожрал ее розы... Он жевал их до тех пор, пока его не уволокла полиция.

ДОЧЬ: Давай не будем об этом!

МАТЬ: Подожди, я еще не досказала. Это был бунт!

ДОЧЬ: Что — кактус?

МАТЬ: Это был наш способ сказать миру, что всё вокруг — ложь! Розы — ложь, все кругом — вруны, а кактус — прекрасный подарок родильнице! Мы показали, что настоящим может быть и то, чего делать не принято, но делаешь от души, потому что чувствуешь, что так надо!

ДОЧЬ: Хорошо, если хотя бы ты сама в это веришь.

МАТЬ: Я не верю — я знаю! Твердо знаю!

Поет:

МАТЬ: *Я так не хочу,
я хочу не так,*

*я хочу сбежать,
я хочу сбежать!
Здесь одно дерьмо,
Здесь одно дерьмо!
Вот и наступил
чудный день, чтоб сдохнуть.
чудный день, чтоб сдохнуть!*

Дочь аплодирует.

ДОЧЬ: Bravo! Bravo!

МАТЬ: Вот так вот!

ДОЧЬ: Ну и повезло же мне! У меня есть прикольная мать, которая в сорок ведет себя, как в пятнадцать...

МАТЬ: Ты мне не...

ДОЧЬ: ... у меня есть умерший отец, который работал в овощной лавке...

МАТЬ: Как ты не понимаешь!

ДОЧЬ: ...у меня есть фото седой бабушки, которую я уже не помню...

МАТЬ: ...Ты же можешь быть такой счастливой!

ДОЧЬ: ...и ребенок, который, слава Богу, не слышит, даже когда бабуля орет у него над ухом!

МАТЬ: А еще у тебя есть муж и воспоминание о палате, заваленной цветами! Никогда бы не подумала, что моя дочь станет такой же ханжой, снобом, каких мы на дух не выносили! Я блюю уже при слове «снобы»! Мирю щас, небось, в гробу ворочается, как на вертеле!

ДОЧЬ: Да, мамочка: когда я родила, мне нанесли полную палату цветов! И у меня есть муж Миран! Отец моего ребенка!

МАТЬ: Которого ты назвала Мирко. Столько фантазии могла проявить только католическая церковь!

ДОЧЬ: Слушай дальше, мама! Когда я родила, отец моего ребенка завалил мою палату цветами! А его коллеги откупорили шампанское, и целый этаж роддома поднял бокалы за здоровье моего сына! И я счастлива, что никто не таскал мне ворованных кактусов, не жрал розы и не дрался в коридоре! Счастлива, понимаешь?

МАТЬ: Конечно, конечно! Шампанское кончилось, а все продолжали восхищаться твоим сыночком, трепали его по письке и вздыхали от счастья так, словно им пускают кровь...

ДОЧЬ: А вот и нет! Все разошлись по домам, чтобы дать мне отдохнуть. Остался только Миран, отец моего ребенка. Он тихо сидел у моей кровати, гладил по голове меня и нашего сына, шепча нам нежные слова, пока нам не захотелось спать.

Пауза.

МАТЬ: Как ты сказала? *Пока вам не захотелось срать?*

ДОЧЬ: Спать! Спать, а не срать!

МАТЬ: (с иронией) А, видать недослышала...

Вскакивает и начинает расхаживать по комнате. Дочь продолжает качать коляску.

Эх, сигарку бы щас!

ДОЧЬ: Да кто тебе мешает!

МАТЬ: Ну, нет. Пока мой внучок-говнючок тут, курить не буду.

ДОЧЬ: Ишь, заботливая стала!

МАТЬ: Мало того, что он не слышит — ты хочешь, чтоб он еще и раком заболел?

Склоняется над коляской.

МАТЬ: Глянь-ка! Глазки открыл! Проснулся!

ДОЧЬ: Ну да! Еще когда ты пела.

МАТЬ: (радостно) Значит-таки слышит!

ДОЧЬ: Нет. Не слышит.

Мать хочет вынуть ребенка из коляски.

ДОЧЬ: Не трожь!

МАТЬ: Иди сюда, мой хороший! Иди к бабоньке, обосратик мой ненаглядный!

Дочь отталкивает мать.

ДОЧЬ: Не трожь, я сказала!

МАТЬ: Да я ж его еще так ни разу и не взяла на ручки...

ДОЧЬ: А меня — брала?

МАТЬ: Я родила тебя.

ДОЧЬ: Тебе я его не доверю.

МАТЬ: Мне? Тебя чё — я выронила? Не я! Мирю!

ДОЧЬ: А я все равно его тебе не доверю.

Мать уходит в дальний конец комнаты. Ожесточенно пинает мебель.

МАТЬ: Ну, и когда же ты мне покажешь своего Мирана, или Мирко, или Миро, как его там... Не, ну не дурдом? Мало того, что нашла себе хахалю, которого зовут так же, как и отца, так еще то же самое имя и сыну дала!

ДОЧЬ: Миран занят. Работает.

МАТЬ: Воскресенье же! Или его банк открыт по выходным?

ДОЧЬ: Миран работает дома.

МАТЬ: Да? И чем же он занят? Репетирует перед зеркалом любезные улыбочки?

ДОЧЬ: Он ведет бухгалтерию одной фирмы.

МАТЬ: Так он у тебя деньги лопатой гребет! Чтобы работать в банке, а потом еще и по выходным сидеть... Это ж какие деньги надо человеку посулить? А чё ж у тебя тогда коляска от «Каритаса», бэушная! Мало ль какой католический выродок в нее гадил!

ДОЧЬ: Мы экономим. Строим дом. Через год переедем.

Нервно трясет коляску. Мать смотрит на дочь. Пауза.

МАТЬ: Ну дай мне хоть покачать!

Дочь передает матери коляску. Мать возит ее взад и вперед по комнате. Дочь садится на диван.

Ах ты, наш пузанчик! Бабуля тебя покатает... Поехали-поехали!

ДОЧЬ: Я не смогу его сюда привести...

МАТЬ: Кого?

ДОЧЬ: Мирана.

МАТЬ: А, этого — банкира? Столько вокруг Миранов и Миро — хрен поймешь, о ком речь.

ДОЧЬ: Да я бы и привела, но мало ли кто у тебя в это время окажется? Возьмет и заблюет ему ботинки!

МАТЬ: Френка я выперла.

ДОЧЬ: А кто же у тебя сейчас? Какой-нибудь Джонни, Гаррис, Назым?

МАТЬ: Никого. Выгнала Френка, сделала генеральную уборку. Думала, будешь приходить ко мне, с этим своим какашонком (склоняется над коляской). Да, мой серунчик? Да, мой сыкунчик? Может, переночуешь когда... Оставишь мне его... Повозиться...

ДОЧЬ: Чтобы его какой-нибудь твой хахаль в окно вышвырнул?

МАТЬ: Говорю же — нет у меня никого!

ДОЧЬ: Я тебе не верю.

МАТЬ: (с сарказмом) Так воот в чем дело! Мать не оправдала доверия собственной дочери!

ДОЧЬ: Ты меня бросила! А я своего ребенка никогда не брошу! Ни-ког-да!

МАТЬ: Опять грузишь? Ну и пошла ты, никто не держит!

ДОЧЬ: И ты ни о чем не жалеешь?

Мать нервно катает коляску по комнате.

МАТЬ: О чем мне жалеть? Обо всем жалеть — проще удавиться в сортире. Да мне и не кажется, что я прожила свою жизнь не так, как надо...

ДОЧЬ: Совести нет у тебя! Ни грамма! Таким, как ты, я бы вообще запретила рожать!

МАТЬ: (приходя в ярость) И ты говоришь это теперь, когда у тебя есть свои Мирко-Мираны, или как там их... Теперь, когда у тебя была палата, заваленная цветами, и ты сама — сытая, довольная сучка! Теперь ты жалеешь о том, что я родила тебя, да?!

ДОЧЬ: (строго) Ты можешь не перебивать, когда я с тобой разговариваю?

Пауза. Мать возит коляску от стены к стене. Дочь не сводит с нее глаз.

Почему ты не сделала аборт?

МАТЬ: Аборт? Да ты чё — сдурела?! Убить тебя?

ДОЧЬ: Ты ведь даже не знаешь, кто мой отец.

МАТЬ: Я была так счастлива. Впервые в жизни. Я хотела ребенка, и всё тут!

ДОЧЬ: И потому сдала меня в чужие руки.

МАТЬ: Мать мне достала таблеток. Когда поняла, что я с нашими не только прогуливаюсь... Когда Миро стал приходиться каждый вечер... Она, твоя седенькая бабушка, пошла к доктору, и он выписал мне пилюли. Просили ее, как же! Я их спускала в унитаз! Ни одной не приняла! Ни разу! Потому что хотела ребенка!

ДОЧЬ: Да все ты врешь...

МАТЬ: Я была счастлива, у меня были друзья! И я сказала себе — уж если залечу, то так тому и быть! И так оно и было!

ДОЧЬ: Что "было"? Ну, родила ты меня и тут же спихнула бабушке. Если бы не она, я бы умерла с голоду или попала в чужую семью еще раньше!

МАТЬ: Да уж... Не бабушка, а просто клад...

ДОЧЬ: Если и было в моей жизни что-то хорошее, так это она!

Мать замирает на месте без слов. Затем ее прорывает:

МАТЬ: Да это же она! Она! Училка паскудная! Когда поняла, что я беременна!
Убить тебя хотела!

ДОЧЬ: Как это?

МАТЬ: Она заподозрила! Шпионила за мной, рылась в мусорном ведре, в белье...
Всегда точно знала, когда у меня это дело! И однажды приперла меня к
стенке, говорит: признавайся! Ты беременна! У тебя уже два месяца не
было менструации! А я себя уже чувствовала, как бутон, который вот-вот
распустится...

ДОЧЬ: Дааааа, посмотрелась ты бразильских сериалов...

МАТЬ: Заткнись, мерзавка! У меня тоже есть душа, сердце! Ты и представить себе
не можешь, что она делала со мной, эта училка, словесница,
профессорская вдова! Заставляла меня приподнимать рояль, чтобы у
меня случился выкидыш! Чтоб ты вылетела из меня по клочкам!

ДОЧЬ: Ну и фантазия!

МАТЬ: Она меня лупила! При отце — не смела, а как только он умер... Стоило
мне забеременеть — как с цепи сорвалась! Избивала за каждую мелочь!
Била в живот! Крашенная седая тварь! Кулаком — в живот!

ДОЧЬ: Неправда!

МАТЬ: Мне было пятнадцать. Она была сильнее. И била меня. Каждый день била!
Хотела, чтоб у меня открылось кровотечение. А я выстояла! Мы с тобой
выстояли!

ДОЧЬ: Врешь, врешь!

МАТЬ: Потом повела меня к врачу. Сказала, что меня изнасиловали и надо
срочно сделать аборт. А врач сказал: сударыня, вам не ко мне, а в
полицию. И она потащила меня туда! Хотела, чтобы я сдала своих!
Сучонка, Марио, Бимбо, Френка, Бяху, Жана! Чтобы их упрятали в тюрьгу!
Изнасиловали меня или нет — дело десятое! Эти суки почували: вот он,
повод взять за жопу тех, кто слушал другую музыку, бунтовал, был не
таким, как все, ругал наше *совершенное общество*. Из них хотели сделать
наильников, уголовников, используя при этом меня! И так ловко все
повернули, что я повелась... И сдала Миро. Я не нарочно! Они вытянули
из меня все, что он говорил, думал, чувствовал... Ласково так вытянули!

Когда я сообразила, что его подставила, поняла, что назад дороги нет, разбежалась и — головой об стену. Раз, другой, третий... Потом потеряла сознание... Они поняли, что я ничего не подпишу... Но Миро упрятали. Аж на три месяца.

ДОЧЬ: Ты предала его.

МАТЬ: Нет! Меня обманули. Это они, они меня изнасиловали!

ДОЧЬ: Из-за тебя посадили моего отца.

МАТЬ: Да не из-за меня! Из-за матери! Она меня туда потащила! Она понимала, какую кашу заварила, потому-то потом и была с ним тише воды, ниже травы! Сознвала, что он — невинная жертва. Все равно что мирное население в военном конфликте! Но и потом не унималась. Готовила мне аборт. Все устроила: договорилась с врачом, был назначен день... Вызвала такси. И тогда я восстала. Ни за что! — сказала себе я. Уж если я подставила Миро, то его ребенка не предаю! Я, в свои пятнадцать лет, кинулась на нее, свою мать, схватила ее за горло и стала душить! Мне хотелось раздавить ее, как таракана! "А, ты хочешь убить моего ребенка! — орала я. — Да я сама тебя сейчас урою!" И урыла бы! Если б не оттащили... Втроем... Эта сука потом целый месяц носила ошейник! Сучий ошейник. А я ушла из дому. Ночевала у друзей, у Перо, у Марио... Пока не вышел Миро... Иногда я все ж заходила к ней... за деньгами. И она смирилась с тем, что стала бабкой.

Молчание.

ДОЧЬ: Меня она любила.

МАТЬ: Полюбила, а куда деваться? Меня было не вернуть, и у нее появилась ты.

ДОЧЬ: Потом она умерла...

МАТЬ: Ага! В одно прекрасное утро проснулась мертвой! Гы-ы! (с сарказмом) А ты, дочь моя, — продукт своей эпохи. Так и знай! От нашего бунта, от нашей искореженной жизни не осталось ничего! Миро лишился ног и сбежал — нажрался таблеток в хосписе. Сучонка нашли замерзшим в его деревне, в кухне, рядом с холодной плитой. Марио обзавелся семьей и теперь, напившись, звонит мне — понять про старые добрые времена. Бяха спился, Гога повесился, Перо разбогател, заделался буржуем, Френк уж и себя не помнит, Кощей пропал незнамо куда... Лишь у меня осталось что-то из тех времен. И это — ты. И этот бздунчик маленький...

Перестает качать, заглядывает в коляску. Ужасается.

МАТЬ: Чё эт с ним?!

ДОЧЬ: Что такое?

МАТЬ: Он странно себя ведет!

Дочь медленно встает, подходит к коляске. Мать суетится вокруг.

МАТЬ: Он же не дышит! Или дышит?

Дочь заглядывает в коляску.

ДОЧЬ: Да ерунда...

МАТЬ: (обеспокоенно) У него корчи!

ДОЧЬ: Проснулся.

МАТЬ: Да он же весь посинел!

ДОЧЬ: Он не может плакать, только пыжится. В больнице сказали, нужна операция... Может быть, тогда он сможет издавать хоть какие-то звуки...

Сует руку в коляску, поглаживает ребенка. Мать с ужасом наблюдает.

ДОЧЬ: Ну вот, все в порядке. Надо его перепеленать.

МАТЬ: Я вам комнату приготовила... Там есть и столик, и подгузников я купила...

ДОЧЬ: Не, я лучше дома...

МАТЬ: Ну, не уходите! Пожалуйста!

Дочь молча идет к двери, одевается. Мать следит за ней взглядом.

Дочь возвращается за коляской, везет ее к двери. Останавливается.

Оглядывается на мать. Пауза.

ДОЧЬ: Не было у меня никаких цветов.

Мать ошарашенно смотрит на нее.

ДОЧЬ: Сын — это все, что у меня есть.

Мать молчит.

ДОЧЬ: И я понятия не имею, кто его отец.

Увозит коляску за дверь, уходит.

Свет на сцене постепенно гаснет.

Картина 4

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ:

То же самое. Снова беспорядок, еще больший, чем в начале. Разбросанные вещи, коробки из-под различных продуктов. На стульях и диване раскиданы тряпки. Комната задымлена...

Звонит телефон. В комнате никого нет. Телефон звонит еще некоторое время, потом смолкает. Звонит опять. Открывается дверь в спальню. Из спальни выходит дочь. Видно, что она только что проснулась. Медленно подходит к звонящему телефону. Смотрит на него. Садится на диван. Телефон продолжает звонить. Дочь вынимает из пепельницы бычок, раскуривает его. Телефон перестает звонить. Открывается дверь в прихожую. Входит мать. Одета, как все. В руках пакеты с продуктами.

МАТЬ: Вроде телефон звонил?

Дочь не отвечает.

Я еще на лестнице слышала.

ДОЧЬ: У соседей. Стены картонные. Все слышно. Невозможно спать! Эти ушлепки опять трахались как заведенные. Целое утро!

Мать кладет пакеты на стол, подходит к телефону, снимает трубку. Кладет ее на место.

МАТЬ: Как всегда, только жена за порог...

ДОЧЬ: Сигарет купила?

Лезет в пакет.

МАТЬ: Уматает на весь день — по чужим квартирам чистит, убирает. А его, как сороковник стукнул, с работы-то и погнали. Вот и мается бездельем. Спровадит старшеньких в школу, мелкого в садик — и звонит этой своей... Ну, у которой муж инвалид... Та припрется, и пыхтят до обеда... Прямо на супружеском ложе! Ха-ха-ха! Во молодцы, а?

ДОЧЬ: (со злостью) Где сигареты?!

Мать достает из кармана начатую пачку сигарет, бросает ее дочери. Дочь закуривает. Мать садится на диван, вынимает из пакета несколько бутылок пива.

МАТЬ: Ты чё-нить ела?

Дочь молча курит.

МАТЬ: Если да, то можешь взять одну бутылку. На пустой желудок — не дала бы!
Это вредно. (гримасничает): *Минздрав предупреждает...*

Дочь молчит. Мать открывает об стол две бутылки. Одну протягивает дочери.

МАТЬ: Но, раз ты уже поела...

Дочь берет пиво. Мать поднимает бутылку, как бы для того, чтобы чокнуться. Дочь делает вид, что не замечает этого жеста. Пьет. Мать тоже отхлебывает. Смотрят на телефон. Молчание.

Ну чё — на биржу ходила?

Дочь кивает.

МАТЬ: Врешь.

Допивает пиво.

Я была там. Вместо тебя. Меня там уже знают. Дали список. Есть вакансии. Наконец-то школе понадобилась...

ДОЧЬ: Ты можешь помолчать? Не начинать с утра пораньше?

МАТЬ: Какое с утра? Полтретьего уже!

Дочь допивает пиво.

Дня!

Молчат.

Сидишь день-деньской дома, как сыч!

ДОЧЬ: Я отвечаю на звонки.

МАТЬ: Одно дело — отвечать на звонки, другое — пойти прогуляться. Я вот выхожу каждый день.

ДОЧЬ: Ага, в лавку. Которая на первом этаже. И это называется — прогуляться?

МАТЬ: А я не только туда... Я хожу через дорогу, в сквер... Сажусь на лавочку и сижу... Знала бы ты, малявка, чё мы на ней выделявали (смеется)! Нас не пускали в бар, потому что мы были одеты не как все. Тогда мы закупались в магазине и шли в сквер. Имени Карла Маркса. Где сейчас тусуются бомжи... Забавно, да? Когда мы были молодыми и собирались у Маркса, нас все обходили стороной, потому что мы выбивались из общей массы. А теперь, когда там столько бомжей, все ходят мимо и не видят. Не боятся их и не трогают. А они мрут себе. Каждую зиму. На этих же скамейках. Мы там дрались, орали, пели, и не было дня, чтобы кого-нибудь из нас не загребла полиция. Мы обкуривались, потому что все вокруг было так по-

дурачки... Любовь крутили... Может быть, именно там, на этой скамейке мы с Миром тебя и сделали... Раньше там кипела жизнь, теперь — царит смерть... Скажи...

Дочь резко встает.

ДОЧЬ: Замолчи! Тошно слушать! У меня и так мозги набекрень!

МАТЬ: Ну чё ты взъелась, это всего лишь воспоминания...

ДОЧЬ: Да на хрена мне твои воспоминания!

МАТЬ: Завидуешь, да?

ДОЧЬ: Да, завидую! Потому что у меня их нет! Никаких. Ни о прошлом, ни о будущем! И меня уже тошнит от твоих! Ты вообще можешь говорить о чем-нибудь другом?

МАТЬ: О чем, например?

ДОЧЬ: Не знаю! Что-нибудь про сейчас!

МАТЬ: И о чем же сейчас стоит говорить?

ДОЧЬ: Ну, не знаю... Может, где новый магазин открыли... Скидки... Распродажи... Или, наоборот, закрыли... Ну, запретили что-нибудь, кого-то поймали, посадили, сместили, убили... Война, может, где-то идет... Да хоть о чем!

Пауза.

МАТЬ: Ладно. Давай о чем-нибудь другом!

Мать поднимается с дивана, достает из пакетов продукты, складывает их в шкаф.

МАТЬ: Нужно купить холодильник. Для овощей... Можно, конечно, хранить в газете... Тогда они портятся не сразу. "Труд", например... Целая простыня, а не газета...

Размещает продукты в шкафу. Шкаф сломан, одна створка двери отсутствует. Дочь сидит и курит сигарету за сигаретой.

Там, в кафе, мне уже пообещали списанный холодильник. Шеф сказал, можно взять. Только тяжелый он очень, одна не дотащу. Поможешь??

Дочь молчит.

А ведь не так уж плохо мы живем! Другие — и того хуже. А если б ты пошла работать, то было бы просто замечательно... Можно было б взять его назад... Подрос, наверное... Уже бегают...

Дочь закуривает следующую сигарету.

Ты хоть навещала его?

Садится рядом с дочерью, с мольбой в голосе:

А давай я к нему схожу, если тебе не хочется? Ты мне только скажи — у кого он?

ДОЧЬ: Уж если ты на биржу за меня ходишь, то и тут сама все выведешь.

МАТЬ: Да спрашивала я уже в опеке! Говорят — разглашению не подлежит, скажем только матери.

ДОЧЬ: А мне фиолетово!

Мать трогает дочь за плечо.

МАТЬ: Ну, почему ты такая?

Дочь стряхивает ее руку.

ДОЧЬ: Не прикасайся!

МАТЬ: Взяли б его к себе... И было б ему хорошо... Я бы о нем заботилась...

ДОЧЬ: Там ему лучше!

МАТЬ: Ты нужна ему.

ДОЧЬ: А он мне — нет!

МАТЬ: Мне нужен.

ДОЧЬ: Ага, так же, как и я!

МАТЬ: Тогда я мало что понимала.

ДОЧЬ: Известная песня — типа, молодая была, глупая!

МАТЬ: Ты — другое дело. У тебя есть я. Если б мама тогда не умерла, все было б по-другому...

ДОЧЬ: Конечно... Всегда у тебя кто-то виноват... Но я — не ты! Я твердо решила. И никто меня не заставит. И я ни на кого не буду сваливать вину!

МАТЬ: Но ведь можно еще передумать? Вот устройшься на работу и заберешь его!

ДОЧЬ: Оставь меня в покое!!! Не доставай!!!

МАТЬ: Да тебе и делать не надо будет ничего... Я все буду делать сама!

ДОЧЬ: Стоит мне посмотреть на него, и я сразу вспоминаю...

МАТЬ: Да ладно тебе... Подумаешь... Бывает в жизни хуже...

ДОЧЬ: Откуда тебе знать, что такое "хуже"!! Тебе ни до кого никогда не было дела! Ты видела только себя! И вдруг, ни с того ни с сего такая сознательная! Это мой ребенок, и я его видеть НЕ ХО-ЧУ!

МАТЬ. Почему?

ДОЧЬ: Потому что я всегда буду помнить, что он не слышит, никогда не заговорит, и будет только смотреть... Голубыми глазницами... Не будет слышать, как его дразнят! Не сможет дать сдачи, если обидят! И... И...

Разражается рыданиями.

Это так страшно!! Так страшно, что он глухонемой, что я смотреть на него не могу!

Мать обнимает дочь, привлекает к себе. Плачет, уткнувшись ей в плечо.

МАТЬ: Что я сделала... Что я с тобой сделала...

Дочь отталкивает мать, глухо рыдает.

ДОЧЬ: Я тоже глухонемая! Как и он! С рождения! Тоже без голоса! У вас было хоть что-то... Вам казалось, что вы бунтовали! И это так и было! А сейчас... Сейчас и бунтовать нельзя! У меня нет сторонников! Каждый сам по себе! И все — глухонемые!!!

Мать снова обнимает дочь за плечи.

МАТЬ: Если б я знала тогда...

ДОЧЬ: Не трожь меня, сказано!!!

МАТЬ: ...Если б я знала, как все это глупо...

ДОЧЬ: Отвали!!

Мать не отступает.

МАТЬ: Если б я знала, что у меня есть только ты, а этот мир все равно не изменить...

Дочь бросается на мать, хватая ее за горло и начинает душить.

ДОЧЬ: Заткнись, заткнись, заткнись!!!

Мать сопротивляется...

МАТЬ: Пусти меня.. пусти... Не...!

Дочь продолжает ее душить.

ДОЧЬ: Вот тебе, вот тебе, вот тебе!

Мать сопротивляется, но все более вяло.

Ненавижу! Ненавижу тебя! Мне хорошо, лишь когда я тебя ненавижу! Вот что мне осталось в жизни! А этим не проживешь! Нельзя жить и ненавидеть! Знаю... Но ничего не могу с собой поделать...

Выпускает мать, та садится на полу, никак не может отдышаться.

Дочь пятится к стене. Мать щупает шею.

МАТЬ: Может, и не понадобится мне... как моей мамашке... целый месяц носить ошейник...

Добирается до дивана, садится.

Хороша бы я в нем была...

Дочь тоже приходит в себя.

ДОЧЬ: (тихо) Я тебя чуть не задушила... Нахлынуло...

МАТЬ: Понимаю...

Дочь прикуривает две сигареты, одну протягивает матери.

ДОЧЬ: Вот... поможет продышаться!

Мать берет сигарету.

МАТЬ: Золотко мое!

Дочь подходит к окну, распахивает его настежь. Смотрит вниз. Мать курит. Молчание

ДОЧЬ: (тихо) Как хочется что-нибудь вышвырнуть в окно.

Молчание. Мать тушит сигарету, встает, подходит к дочери

МАТЬ: Ну так давай!

ДОЧЬ: Что?

МАТЬ: Вышвырнем! Сейчас же! Вместе!

ДОЧЬ: Ты в своем уме?!

Мать окидывает взглядом комнату.

МАТЬ: Чё б нам такое швырнуть?

ДОЧЬ: Нет, ты серьезно?

МАТЬ: Как никогда! Плиту?

ДОЧЬ: Слишком тяжелая ...

МАТЬ: Ну, а если мы с Френком все мелкое уже пошвыряли...

Смеется.

Стулья... кассетник... кастрюли... радио... мамашкин телек...

ДОЧЬ: Ну, давай тогда диван, что ли?

МАТЬ: Думаешь?

ДОЧЬ: А что тут думать!

Дочь берется за подлокотник дивана.

ДОЧЬ: Ну, давай же!

Мать хохочет.

МАТЬ: Да ты еще дурней меня!

Тащат диван к окну.

ДОЧЬ: Поднимай! Еще-еще-еще!

МАТЬ: И на чем же мы будем сидеть?

ДОЧЬ: А мы и не будем сидеть... Никогда! Не будем сидеть и ждать! Поднимай давай!

Взваливают диван на подоконник.

МАТЬ: Толкай!

ДОЧЬ: Три-четыре! Пошееееел!

МАТЬ, ДОЧЬ: Берегиииись! Летиииииит!

Выталкивают диван в окно. Налегают на подоконник, смотрят вниз.

Раздается глухой удар.

МАТЬ: Браво!

ДОЧЬ: Получилось!

МАТЬ: Как же мне полегчало!

ДОЧЬ: Мне тоже.

МАТЬ: Надо иной раз что-нибудь из себя вытолкнуть... Или хотя бы диван из окна!

Смеются. За окном крики, ругань. Мать выглядывает в окно.

МАТЬ: Хорош орать, ты, старый пердун! Подумаешь, диван из окна выпал!

Дочь выглядывает в окно.

ДОЧЬ: Да не волнуйтесь вы! Мы всегда так переезжаем!

МАТЬ: И скажи спасибо, что пострадала только машина!

Хохоча, закрывают окно.

МАТЬ: Ну, и на чем же нам теперь сидеть? Вот незадача...

ДОЧЬ: А зачем нам сидеть? Так и будем стоять. Стоймя! До самой смерти!

Хохочут.

МАТЬ: Веселиться будем... Места — скока хошь...

ДОЧЬ: И малышу на велике кататься — раздолье...

Мать застывает от неожиданности.

МАТЬ: Да? Ты решила его... Да?!

Дочь смотрит на мать.

ДОЧЬ: Ну да, а что?

Молча смотрят друг на друга.

МАТЬ: Эх, чё б щас такое отколоть! Пафосное! Чтоб как в бразильском сериале!

ДОЧЬ: Да куда уж тебе...

МАТЬ: И правда.

Звонит телефон.

МАТЬ: Ответь лучше ты... У меня еще с голосом не наладилось...

Дочь снимает трубку.

ДОЧЬ: Да?

Мать откупоривает бутылку пива.

Нет, я не Котенок... Я Мышонок... Неет, со мной вы еще не говорили... Но я ничем не хуже! Что? Славяноведение? Конечно, да! В университете! Что вы, я еще совсем-совсем молоденькая! Лифчиков не ношу... Кружевные трусики? О, как раз на мне. Но могу и снять... А ты... Что на тебе надето? Ничего? Ах ты, шалунишка!..

Свет на сцене постепенно гаснет.

КОНЕЦ.